

УДК 821.161.1

«БЫТ» И «БЫТИЕ» РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ПОЭЗИИ

Г.Р. ДЕРЖАВИНА

*И.С. Абрамовская, К. Егорова, Т. Князева**Irina.Abramovskaya@gmail.com**Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Новгород, Россия*

Аннотация. В статье анализируется концепция повседневной жизни русской усадьбы, заключенная в поэзии Г.Р. Державина: сосуществование «духовного» и «телесного», философского, социального, бытового планов. Философские рассуждения о скоротечности всего сущего в лирике Державина подчеркивают значительность сиюминутного бытия. Заявлены оппозиции «город/деревня», «слава/свобода», «служба/счастливое житие», «истинное и ложное» богатство. В статье поясняются понятия, важные в эстетике Державина, – «покой», «свобода», «счастье». Выясняется, что к пониманию подлинной свободы поэт приходит через осознание необходимости улучшения «внешней» жизни через совершенствование жизни «внутренней», и тогда каждое переживаемое мгновение посредством художественного слова становится частью вечности

Ключевые слова. Поэзия Державина, русская усадьба, бытовое поведение, поэтические оппозиции, концепция повседневности, жизнестроение.

Для цитирования: Абрамовская И.С., Егорова К., Князева Т. «Быт» и «бытие» русской усадьбы в поэзии Г.Р. Державина // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 80–87.

"BYT" AND "BEING" RUSSIAN MANOR IN

G.R. DERZHAVIN'S POETRY

*I.S. Abramovskaya, K.M. Egorova, T.S. Knyazeva**Irina.Abramovskaya@gmail.com**Novgorod State University, Novgorod, Russia*

Abstract. The article analyzes the concept of everyday life of the Russian manor, concluded in the poetry of G.R. Derzhavin: the coexistence of "spiritual" and "physical", philosophical, social, everyday plans. Philosophical arguments about the transience of all that exists in the lyrics of Derzhavin emphasize the significance of momentary being. Oppositions "city / village", "glory / freedom", "service / happy living", "true and false" wealth are declared. The article explains the concepts that are important in Derzhavin's aesthetics: "peace", "freedom", "happiness". It turns out that the poet comes to the understanding of true freedom through the realization of the need to improve the "outer" life through the improvement of the "inner" life, and then every moment experienced through the artistic word becomes part of eternity

Keywords. Poetry Derzhavin, Russian manor, domestic behavior, poetic opposition, the concept of everyday life, life-building.

For citation: Abramovskaya I.S., Egorova K.M., Knyazeva T.S. "Byt" and "Being" Russian Manor in G.R. Derzhavin's Poetry // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 80–87.

Идеализация сельского быта и противопоставление его ложной пышности города как особая тема входит в поэзию Г.Р. Державина постепенно, вследствие долгих раздумий о жизни в обществе, собственной судьбе. Известны факты биографии поэта, связанные со службой в армии,

с участием в подавлении пугачевского бунта, государственной службой в качестве губернатора, статс-секретаря Екатерины II, министра юстиции при Александре I. «Действительный опыт», о котором пишет Ф. Шиллер в связи с размышлениями о жанре идиллии [Шиллер, с. 440–441], стал основой переключения поэзии Державина с тем «высокой гражданственности» на темы интимные, семейные, домашние, которые, как оказалось, вовсе не исключали социальной активности. Гармоничный мир усадьбы, организованной как «единый культурно-хозяйственный комплекс (в него входили дом, сад, парк, хозяйственные постройки и пр.), “малая родина”, о которой хранили память многие поколения дворян» [Абрамовская, с. 4], не был чужд идеалам высокой культуры и гражданственности.

Рассуждения поэта об обыденных радостях укладываются в общую концепцию повседневной жизни. Осознание значительности каждого прожитого дня рождается вначале как оппозиция смерти («На смерть князя Мещерского») [Державин]:

*Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как знак, сечет.*

Скоротечность человеческого бытия не зависит от желаний или поступков, от места в социальной иерархии. Пожалуй, никто из русских поэтов так эмоционально не сетует на «алчну смерть», ненасытная утроба которой «глочет царства», уносит в вечность «дни и годы», а жизнь человека становится подобна сну, «сладкой мечте». И вывод, к которому приходит лирический герой Державина, абсолютно «земной», он сформулирован в стихотворении «На смерть князя Мещерского» (1779):

*Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.*

«Покой» у Державина – это вовсе не застывшая форма существования, а близкое эпикуреизму понимание свободы от бессмысленной рефлексии по поводу конечности всего сущего, понимание, необходимое для счастья человека. Однако важно соблюдение этических норм, некой «меры» веселья, о чем заявлено в послании «К первому соседу» (1789):

*Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.*

Поэт приходит к утверждению необходимости строительства «внутренней» жизни для достижения покоя и в жизни, так сказать, «внешней» («На счастье» (1789): «Спокойствие мое во

мне!»; «Мой истукан» (1794): «Счастье нам прямое / Жить с нашей совестью в покое»). Мысль о единстве и борьбе противоположностей, высокого и низкого в существе человека, прославление духовных начал жизни и «любование прекрасной вещностью мира» [Лебедева, с. 295] постоянно соседствуют в поздней лирике Державина. Философские рассуждения о скоротечности жизни повышают эстетическую ценность картин домашнего быта, подчеркивается значительность сиюминутного бытия, воспеваются красота простых, каждодневных радостей: труда на лоне природы, пирушки с друзьями и в кругу семьи, охота.

В этот период творчества, то есть в 1780–1790-е годы Державин всё чаще рисует картины сельского помещичьего быта, находя в нем отдохновение от трудов, духовное обогащение, радость общения с близкими людьми. Так, в послании «Капнисту» (1797) дана картина семейного счастья на лоне природы. Жизнь в родном отечестве без помышлений «скакать от скук или беды» в «другие земли», довольствоваться малым, быть неприхотливым – вот что делает человека счастливым. Поскольку обращается Державин к поэту-единомышленнику, нет нужды углубляться в темы развитой духовной жизни. Лишь в конце послания вводится тема незавидной судьбы поэта, вынужденного находиться в Петрополе, среди «злословной черни».

Мысль о незатейливом счастье приобретает более конкретные черты в стихотворении «Похвала сельской жизни» (1798) (в рукописи стихотворение называлось: «Горация похвала сельской жизни, соображенная с российскими нравами»), где хозяин усадьбы уподоблен «смертным первородным», истинным детям природы, свободным трудом добывающим хлеб насущный и заполняющим свои дни нужными и приятными занятиями. Мотив свободы звучит всё более отчетливо: это свобода от необходимости «бить челом» господам, свобода от службы в армии и суде. Лирический герой наделен чертами умелого хозяина, занятого физическим трудом.

Но садит он в саду своем

Кусты и овощи цветущи;

Иль диких древ, кривым ножом

Обрезав пни, и плод даючи

Черенья прививает к ним...

В этом стихотворении важен характерный для идиллии мотив цикличности времени, смены времен года и занятий, соответствующих каждому сезону. Особо выделен мотив супружеского счастья, подчеркивается роль домовитой хозяйки, пекущейся о детях и о порядке в доме. Разворачивается картина обильного «русского обеда» с горшком щей, копченым окороком «под дымом» и прочими яствами, в сравнении с которыми даже французские устрицы не вызывают аппетита. Однако стихотворение это – монолог откупщика, который собрался было стать поселянином, да «остался паки мещанином», «а ныне деньги отдал в рост». То есть о деревне «мечтается», это особая точка зрения, отсюда подчеркнутая идилличность изображения, лишенного ярко выраженного личностного начала.

Всё те же радости описаны в «Деревенской жизни» (1802), но уже от первого лица и речь идет «о себе». Вновь подчеркиваются оппозиции «город/деревня», «слава/свобода», «служба/счастливое житие», «истинное и ложное» богатство.

Что нужды мне до града?

В деревне я живу;

Мне лент и звезд не надо,

Вельможей не слышу;

О том лишь я стараюсь,

Чтоб счастливо прожить;

Со всеми обнимаюсь,

И всех хочу любить<...>

Богат, коль здоров, обилен,

Могу поесть, попить;

одчас и не бессилен

С Милой пошалить.

Однако одно дело высказывать поэтические хвалы деревне, когда есть выбор – служба вынуждала бывать в городе, о котором так нелестно отзывался Державин, совсем другое состояние переживал поэт, действительно получивший отставку, что произошло в начале октября 1803 года. В это время написано стихотворение «Свобода» (октябрь 1803), по существу, это прощание с прошедшим и принятие нового настоящего, свободного от ига «титла, золота, чести».

В.Ф. Ходасевич в биографии поэта писал: «До отставки он любил Званку за то, что она была красивее и богаче его собственных деревень; за то, что она лежала в ста семидесяти верстах от Петербурга, у большой московской дороги: было легко, нехлопотно убежать сюда из столицы. Но после отставки она стала дорога ему в особенности: вынужденное бездействие само собой превращалось в добровольное, отставка – в отдых. Он привыкал к положению частного человека и как бы гостя в самой России. Он звал себя отставным служивым – яд обиды старался растворить в шутке» [Ходасевич, с. 194]. Однако жизнь в Званке вовсе не походила на «отставку», она была наполнена важными делами – благодаря досугу Державин написал большой труд «Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», создал «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; а также изъяснения картин, при них находящихся, и анекдотов, во время их сотворения случившиеся».

«Евгению. Жизнь Званская» (1807) дает наиболее полное представление о домашнем деревенском быте, в который поэт погрузился. Здесь философский, социальный, бытовой планы органично сосуществуют. Здесь каждое переживаемое мгновение посредством художественного слова становится частью вечности.

Званка превратилась для Державина в место, где он мог отрешиться от печаливших его дум и тревог по поводу не удовлетворявшей его службы, как это видно из его «Записок». Имение с 1797 г. принадлежало второй жене поэта, Дарье Алексеевне Дьяковой. С 1803 г. и до самой смерти в 1816 г. Державин лето проводил в Званке, где им было написано около 60 стихотворений, включая знаменитое послание «Евгению. Жизнь Званская», 5 театральных сочинений, «Записки» и пр. Державинская Званка была отстроена по проекту его друга Н.А. Львова, поэта и архитектора, члена Российской академии и Академии художеств, разносторонне одаренного человека. Имение, живописно расположенное на высоком берегу Волхова, включало двухэтажный господский дом с бельведером, фонтан перед домом, сад и цветник, хозяйственные постройки, ковровую и суконную фабрики, крестьянскую больницу. Сохранились изображения имения, сделанные в разные годы. Автор одного из них – Е.М. Аврамов (Абрамов), секретарь поэта, принимавший активное участие в организации праздников в Званке, а при необходимости исполнявший роль архитектора и живописца. Его акварельный рисунок вида Званки Державин подарил Е. Болховитинову [Грот, с. 642-659]. На обратной стороне автограф поэта:

На память твоего, Евгений, посещения

Усадьбы маленькой изображен здесь вид.

Гораций как бывал Мецею в восхищеньи,

Так был обрадован мурза-пиит.

А под рисунком содержатся строки, написанные Евгением в ответ:

Средь сих болот и ржавин

С бессмертным эхом вечных скал

Бессмертны песни повторял

Бессмертный наш певец Державин.

И.З. Серман точно заметил, что «в “Жизни Званской” Державин поэтически воспроизвел “вечер” своей собственной жизни. «Похвала» сельской жизни – тема традиционная для русской поэзии второй половины XVIII века – соединилась у Державина с темой элегической, с раздумьями о себе, о времени, о своем посмертном уделе» [Серман, с. 100]. Всё стихотворение, основное его содержание – описание быта званского, причем, воспроизводя распорядок одного дня, Державин дает обобщенную картину жизни в усадьбе. И жизнь эта изолирована от остального пространства, особенно от пространства города, Петербурга, в котором теснота, «затворы», «бремя роскоши», «несвобода». Званка – это свободное пространство, «вольность золотая», уединение, тишина, довольство, здоровье, согласие с женой, т.е. «покой дней в останке». Завершая описание усадьбы, герой одновременно как будто завершает и описание собственной жизни. «Этим лишний раз подчеркивается тяготение усадебной жизни к полной изоляции и претензии ее на абсолютную законченность и совершенство; это исчерпывающий мир, в котором есть все, что необходимо человеку для полноценной счастливой жизни» [Веселова, с. 216]. Здесь не только труды сельские, но и кабинет с книгами, и балы («Внутри дома тешимся столиц увеселеньем»), и беседы с друзьями, и карты, и благотворительность, и заботы о собственных крестьянах (в Званке

есть больница) и прочие радости бытия. Воспроизведенный мир гармоничен, в нем душа и тело, возвышенное и бренное в полном согласии. Как точно указывает исследователь творчества Державина, быт в стихотворении поднимается до уровня поэзии, «вещественное в усадьбе не противопоставлено духовному, а наполнено им» [Державинские..., с. 122]. «Одухотворенный усадебный быт» [Там же] способствует творчеству, потому что создает ситуацию, при которой для лирического героя частная жизнь так же важна, как общественная. «Оттуда», из бытового пространства, отвлекшись от самых «низменных» утех (игры в карты, к примеру), лирический герой приходит «в святилище муз», где уподобляется древним поэтам, Горацию и Пиндару, великим лирикам античности, и творит свой поэтический миф о Званке, вмиг превратившейся в пространство чистой эстетики. Здесь он Творец.

Говоря в заключительных строфах о разрушении усадьбы, Державин вновь поднимает тему «Памятника» и памяти потомков, для которых он «весь не умрет», и поэзия

*Так в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.
Ты слышал их, – и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, – Фелицы.*

Незадолго до смерти, 6 июля 1816 г., Державин написал акrostих:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Писал поэт под впечатлением от таблицы «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого надесять столетия. Сочинено Фридериком Страссом. Переведено в Санктпетербурге. 1805». Все страны изображены как реки и ручейки, впадающие в единую реку всеобщей истории. Вновь звучит скорбный мотив забвения, равенства всего сущего перед лицом смерти, и даже творчество «общей не уйдет судьбы», поглощенное вечностью. Жизненный цикл поэта замкнулся.

В элегии П.А. Плетнева «Гробница Державина» (1819) [Плетнев, с. 322] объясняется значимость присутствия известной личности в том или ином месте – имя привлекает внимание и к самому пространству, и ко всем событиям, которые с ним связаны:

*О счастливый Певец счастливейших времен!
 Придут, придут сюда из отдаленья
 Грядущих чада лет и чуждых нам племен
 Блуждать, как я, и слушать песнопенья –
 И дряхлый Новгород тобою не умрет...
 В развалинах отечества Вадима
 Еще придут искать твоей гробницы след,
 Как в Риме прах Певца Ерусалима.*

Деревня Званка пережила своего певца, в середине XIX столетия в ней был открыт монастырь, который стал центром притяжения для жителей окрестных деревень и новгородцев. Сейчас на месте дома Державина стоит памятный знак, не время, а люди уничтожили постройки, не осталось даже руин, хранивших память о былом, однако Званка вошла в историю благодаря Державину, его бессмертной лире, прославившей это пространство.

Литература

1. Абрамовская, И.С. «Русская идиллия» в эстетике и прозе конца XVIII – первой половины XIX века. Великий Новгород, 2005. 88 с.
2. Веселова, А. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка// XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 206–218.
3. Грот, Я. Жизнь Державина. М., 1997. 685 с.
4. Державин, Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. 469 с. Тексты стихотворений цитируются по этому изданию.
5. Державинские чтения. I. СПб., 1997. 192 с.
6. Лебедева, О.Б. История русской литературы 18 века. М., 2000. 415 с.
7. Плетнёв, И.А. Гробница Державина. Элегия // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта. Т. 1. Л., 1972. 792 с.
8. Серман, И.З. Державин. Л., 1967. 119 с.
9. Ходасевич, В.Ф. Державин. М., 1988. 327 с.
10. Шиллер, Ф. Собр. соч. в 7 т. Т.6. М., 1957. 793 с.

References

1. Abramovskaya, I.S. (2005) «*Russkaya idilliya*» v *ehstetike i proze konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka* ["*Russkaya idilliya*" in *ehstetike i proze the end of the XVIII – pervoj half of the XIX lid*]. Velikij 88 p., Veliky Novgorod. (In Russian).
2. Derzhavin, G.R. (1957) *Stihotvoreniya* [Stihotvoreniya]. 469 p. Leningrad. (In Russian). Teksty stihotvorenij citiruyutsya po eh tomu izdaniyu.
3. Derzhavinskie chteniya. I. (1997) [Derzhavin readings]. 192 p. Saint-Petersburg. (In Russian).
4. Grot, Ya. (1997) *ZHizn' Derzhavina* [Derzhavin's Life]. 685 p. Moscow. (In Russian).
5. Hodasevich, V.F. (1988) *Derzhavin* [Derzhavin]. 327 p. Moscow. (In Russian).
6. Lebedeva, O.B. (2000) *Istoriya russkoj literatury 18 veka* [History of Russian literature of the 18th century]. 415 p. Moscow. (In Russian).
7. Pletnyov, I.A. (1972) *Grobnica Derzhavina. Elegiya* [The Tomb Of Derzhavin. Elegy] // *Poehty 1820–1830-h godov. Biblioteka poehta. T.1.* 792 p. Leningrad. (In Russian).
8. Serman, I.Z. (1967) *Derzhavin* [Derzhavin]. 119 p. Leningrad. (In Russian).
9. SHiller, F. (1957) *Sobr. soch. V. 7. T.6.* [Coll. CIT. in 7 t. T.6]. 793 p. Moscow. (In Russian).
10. Veselova, A. (2006) *Usadebnaya zhizn' v stihah poehtov l'vovsko-derzhavinskogo krushka* [Manor life in the verses of poets of the Lvov-Derzhavin circle] // XVIII vek. Sb. 24. Pp 206–218. Saint-Petersburg. (In Russian).

Авторы публикации

Абрамовская Ирина Сергеевна – кандидат филол. наук, доцент, Новгородский гос. университет, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Authors of the publication

Irina S. Abramovskaya – Associate Professor, Candidate of Philology, Novgorod State University, 41 Big St. Petersburg Str., Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation.

E-mail: Irina.Abramovskaya@gmail.com

Егорова Ксения Михайловна – аспирант, Новгородский гос. университет, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: kcenyu@rambler.ru

Князева Татьяна Сергеевна – аспирант, Новгородский гос. университет, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: tanysoh2@yandex.ru

E-mail: Irina.Abramovskaya@gmail.com

Ksenia M. Egorova – postgraduate student, Novgorod State University, 41 Big St. Petersburg Str., Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation.

E-mail: kcenyu@rambler.ru

Tatyana S. Knyazeva – postgraduate student, Novgorod State University, 41 Big St. Petersburg Str., Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation.

E-mail: tanysoh2@yandex.ru

Поступила в редакцию: 3.11.2018.

Принята к публикации: 16.11.2018.